

БУНКЕР

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Бункер

«Автор»

2026

Суарез С.

Бункер / С. Суарез — «Автор», 2026

Меня похитили по ошибке, перепутав с любовницей криминального авторитета. Я видела лица похитителей, а в его мире свидетелей не оставляют. По закону жанра я — труп. Но он почему-то медлит и вместо пули приносит мне вкусняшки и помогает написать диплом. Похищение, которое пошло не по плану. Вас ждет ромком с перчинкой!- властный горячий герой- дерзкая groinя- юмор- притяжение между героями и горячие сцены.- хэ.

Содержание

Глава 1. Какао с корицей и бетонная крышка	5
Глава 2. Сахарная голова и стальные нервы	8
Глава 3. Визуальные доказательства и пытки шоколадом	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Бункер

Глава 1. Какао с корицей и бетонная крышка

Халат был виноват во всем. Бабушкин, еще советский, панбархат цвета запекшейся крови — единственная яркая вещь в моем гардеробе, состоящем из серых водолазок и джинсов, купленных в секонд-хенде у метро «Бауманская». Я накинула его, потому что в подъезде сквозило, а мусоропровод на нашем этаже заварили еще при царе Горохе. Пакет с картофельными очистками и пустой банкой от сгущенки болтался в руке, когда тяжелая дверь подъезда распахнулась мне в лицо. Я не успела даже вскрикнуть. Чьи-то твердые безжалостные руки в черной коже перчаток зажали мне рот. Запах кислой гари и бензина ударил в нос, а потом мир перевернулся вверх тормашками. Меня швырнули на жесткое сиденье автомобиля, лицом вниз, и на голову натянули плотный мешок. Ткань воняла пылью и картошкой. — Сиди тихо, сука, и останешься цела, — прохрипели над ухом. Я бы, наверное, закричала. Забилась бы в истерике, как полагается приличной жертве похищения. Но дело в том, что в свои годы я, Ася Завьялова, обладала одним специфическим талантом: в моменты абсолютного, животного ужаса мой мозг переключался в режим ироничного комментатора. Наверное, это защитная реакция. Или последствия четырех лет на историческом факультете, где нервная система либо камнеет, либо учится шутить над абсурдностью бытия. Поэтому, когда машина рванула с места, а моя скула больно впечаталась в чей-то ботинок, я подумала не о смерти, а о том, что забыла сохранить черновик второй главы диплома. И о том, что на плите осталась греться вода для какао. Пункт назначения встретил меня запахом сырости и металла. Меня тащили по каким-то ступеням вниз, вниз, вниз, пока воздух не стал спертым и холодным, как в музейном хранилище. Наконец, меня усадили на жесткий стул, примотав руки к спинке за спиной скотчем. — Жди, — бросил один из похитителей, и шаги стихли в отдалении. Тишина звенела в ушах, прерываемая только капаньем воды где-то вдали. Я попыталась успокоить дыхание. Если бы они хотели меня убить, то сделали бы это сразу, в темном переулке. Значит, я для чего-то нужна. Живой. Это обнадеживало. Никого долго не было. Капающая вода начала бесить. А потом я услышала шаги. Совсем другие. Это не был грузный топот амбалов. Шаги были тяжелыми, но плавными, как поступь большого хищника, который знает, что он здесь главный. Остановились прямо передо мной. Я кожей почувствовала, как изменилось давление в комнате — словно весь кислород выкачали и заменили чем-то более плотным, пьянящим, опасным. Резкий рывок — и мешок сдернули с головы. Я зажмурилась от яркого света лампы накаливания, висящей под низким бетонным потолком. Вдохнула ртом колючий воздух и медленно открыла глаза. Бункер. Самый настоящий подземный бункер, но обставленный с дикой, почти смехотворной роскошью. Напротив меня — тяжелый дубовый стол, заваленный бумагами, на которых стоял ноутбук. У стены — кожаный диван цвета венозной крови, на полу — ковер с высоким ворсом, в котором утопали ножки стула. И среди этого бетонного логова — он. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Боже, как он смотрел! Я не могла отвести взгляд от его глаз. Цвета грозового неба, затянутого льдом. Светлые радужки обрамляли темные, расширенные зрачки. В них не было ярости. Только расчетливое, холодное любопытство. Так энтомолог, наверное, разглядывает редкую бабочку, прежде чем приколоть ее булавкой к картонке. Он был огромным. Ростом под потолок этого склепа, с плечами, которые, казалось, занимали все пространство. Темно-русые волосы зачесаны назад. Одет просто: черная водолазка, обтягивающая литую мускулатуру, и темные брюки. Никаких золотых цепей, никаких перстней. Только тяжелые часы на запястье и тонкий белый шрам от ожога, выглядывающий из-под манжеты, когда он пошевелил рукой. Красивый. До зубовного скрежета, до спазма внизу живота. Но красота его была не глянцево-блестящей, а какой-то битой, со сколами и острыми краями. — Не она, — произнес он. Го-

лос — низкий, рокочущий баритон, который вибрировал не в ушах, а где-то в груди. Я перевела дыхание и, повинувшись своему проклятому внутреннему комментатору, выпалила: — Я в курсе. Я, если честно, вообще не собиралась сегодня никого из себя изображать. Так что если вы меня отпустите, обещаю никому не рассказывать, что у вас тут такой милый подвальчик в стиле «постапокалиптический шик». В комнате повисла тишина. Гробовая. Где-то за моей спиной кто-то из амбалов судорожно втянул воздух, словно ожидая, что меня сейчас испепелят на месте. А он он медленно, очень медленно наклонил голову набок. В его глазах промелькнуло что-то новое. Не ярость. Скорее, недоумение. Как у сытого льва, которому в клетку подкинули не кролика, а болтливого попугая. — Мирон Игоревич, эта из сто двадцатой, соседка, — пробасили из темноты. — В халате этом Глазастая. Похожа Мы думали, она. — Думали они, — повторил он тихо, и от этого тихого голоса по моему позвоночнику пробежала стайка ледяных мурашек. — Вышли. Вон. Амбалы исчезли быстрее, чем студенты с лекции по историографии в пятницу вечером. Тяжелая железная дверь лязгнула, отрезая нас от остального мира. Он подошел ближе. Обошел вокруг стула, и я чувствовала его взгляд на своем затылке, на шее, на линии плеч, прикрытых дурацким бабушкиным халатом. Остановился прямо передо мной и присел на корточки, оказываясь на одном уровне с моим лицом. От него пахло дорого. Сандал, табак и что-то еще — терпкое, мужское, от чего низ живота свело знакомой голодной судорогой. Мой бывший, Никита, пах офисным кофе и скукой. Этот мужчина пах опасностью и деньгами. Он протянул руку. Я вздрогнула, ожидая удара, но его пальцы лишь коснулись пряди моих волос, выбившейся из пучка, заколотого шариковой ручкой. Покрутил локон между большим и указательным пальцем. Жест был собственническим, ленивым, и от него у меня перехватило горло. — Как зовут? — спросил он. — Ася. Ася Завьялова. Студентка четвертого курса истфака, не замужем, вредных привычек нет, если не считать любовь к какао в неположенное время. Он хмыкнул. Даже не улыбнулся, а именно хмыкнул уголком рта. — Знаешь, Ася Завьялова, где ты находишься? — Судя по интерьеру, в личном убежище человека, который либо очень боится ядерной войны, либо очень не хочет, чтобы его нашли конкуренты по бизнесу. И, поскольку ядерной сирены не слышно, ставлю на второе. Его глаза сузились. Он провел подушечкой большого пальца по моей нижней губе, чуть надавливая, и я перестала дышать. — Дерзкая, — проговорил он, и в этом слове не было комплимента. Это была констатация факта. — А ты не боишься? — Боюсь, — честно ответила я, и мой голос предательски дрогнул, потому что его палец все еще лежал на моей губе, и я чувствовала жар его кожи даже через этот мимолетный контакт. — Очень боюсь. Но если бы Вы хотели меня убить, то уже бы убили. А раз я еще дышу, значит, у меня есть шанс дописать диплом. Он убрал руку. Резко, словно обжегся. Встал во весь рост, и мне снова пришлось заирать голову. — Диплом? — переспросил он. — Тема: «Повседневная культура чаепития и сладкого стола в купеческой среде Российской империи конца XIX века как маркер социального статуса». У меня дедлайн через месяц. А я застряла на второй главе, потому что не могу найти данные по импорту тростникового сахара через Одесский порт в 1887 году. Может, вы меня все-таки приберете? Это решило бы кучу проблем. И с дипломом, и с моим хроническим недосыпом. Он моргнул. Впервые за этот вечер я увидела, как маска ледяного спокойствия дала трещину. Его бровь поползла вверх, а в глубине штормовых глаз заплясали черти. — Ты предлагаешь мне тебя убить, потому что тебе лень писать диплом? — Не то чтобы предлагаю. Скорее, оглашаю доступные варианты развития событий, — я пожала плечами, насколько позволял скотч. — И, кстати, пока вы будете думать, не мог бы кто-нибудь развязать мне руки? У меня ноутбук на нуле, а если я не запишу мысль про шипцы для колки сахара, которая пришла мне в голову, пока меня везли в машине, я ее забуду. Он смотрел на меня долгую томительную минуту. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах — я почти физически ощутила это прикосновение — и опустился ниже, туда, где расходились полы красного халата, открывая край старой ночной сорочки. А потом случилось невероятное. Мирон Игоревич, глядя на меня сверху вниз, издал низкий, рокочущий звук,

который я с трудом идентифицировала как смех.— Шипцы для сахара, — повторил он, качая головой. — Ты уникальная, Ася Завьялова. Он достал из кармана складной нож, и на секунду мое сердце ухнуло в пятки. Но он просто разрезал скотч на моих запястьях. Я тут же начала растирать затекшие руки, не сводя с него настороженного взгляда.— Спасибо, — прошептала я.— Не благодари. Ты видела лица моих людей. И моё лицо. Отпустить тебя я не могу.— А убить, как я понимаю, вам мешает мое профессиональное обаяние и обещание рассказать, как правильно сервировать купеческий стол к Пасхе?— И это тоже, — он снова склонил голову набок, и на его губах заиграла тень улыбки — опасная, как лезвие бритвы. — Будешь моей гостьей. Пока я не решу, что с тобой делать.— Гостьей в бункере? Звучит как начало фильма ужасов.— Думай об этом как о писательском ретрите. У тебя будет тишина, покой и доступ к интернету, — он кивнул на ноутбук на столе. — Я распоряжусь, чтобы тебе принесли нормальную одежду и всё, что нужно для твоего... чаепития.— И какао? — ляпнула я, прежде чем успела подумать. — Настоящее, с молоком, а не растворимая бурда из пакетика. Он шагнул ко мне, сокращая расстояние до опасного минимума. Я вжалась в спинку стула, но бежать было некуда. Его рука легла рядом с моим бедром, пальцы почти касались ткани халата. Он наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание на своей щеке — горячее, пахнущее кофе и мятной жвачкой.— Какао, — произнес он мне в самое ухо, и от низкой вибрации его голоса у меня подогнулись пальцы на ногах. — С корицей? Я сглотнула.— Ага, и со щепоткой соли. Это раскрывает вкус шоколада. Он отстранился, и я чуть не застонала от потери этого тепла. Но его взгляд все еще держал меня крепче любых веревок.— Договорились, Ася Завьялова. Ты пишешь свой диплом и варишь мне какао. А я пока подумаю, что с тобой делать. Он направился к двери, но у самого выхода остановился и бросил через плечо:— И постарайся выжить, Мелкая. Мне будет скучно, если ты умрешь от передозировки сахаром раньше, чем я пойму, зачем ты мне нужна. Дверь лязгнула. Я осталась одна в бетонной коробке, пахнувшей властью и сандалом. Закрывает глаза, прижала ладонь к груди, где все еще гулко колотилось сердце, и прошептала в пустоту:— Ну что ж, Ася. Поздравляю. Кажется, ты только что подписала контракт с дьяволом. Зато у тебя будет хорошее какао.

Глава 2. Сахарная голова и стальные нервы

Первое утро в бетонной клетке началось не с будильника, а с лязга засова и запаха свежей выпечки.

Я спала на диване, свернувшись калачиком под колючим казенным пледом, когда дверь распахнулась, и в бункер вплыл поднос. Его нес не Мирон — какой-то хмурый детина с бычьей шеей, одетый в черное. Он молча поставил поднос на край стола, бросил на меня взгляд, в котором читалось «и зачем шеф с тобой возится», и так же молча вышел.

На подносе обнаружили: круассан, масло, джем, маленький кофейник с ароматным эспрессо и — о чудо — банка настоящего какао-порошка, пакет молока и даже палочка корицы.

Я села, потирая заспанные глаза, и невольно улыбнулась. Он запомнил. Про какао с корицей и щепоткой соли. Чудовище с феноменальной памятью на кулинарные предпочтения своих жертв — это что-то новенькое в криминальной психологии.

Бункер при дневном свете (а свет здесь имитировали лампы теплого спектра) выглядел уже не таким пугающим. Я огляделась внимательнее. Стены — грубый серый бетон, но пол утеплен ковром. В углу — стеллаж с книгами. Я подошла ближе, ведомая профессиональным любопытством историка. Классика: Достоевский, Булгаков, Набоков. Пара томиков по военной стратегии. И — я чуть не поперхнулась — «Подарок молодым хозяйкам» Елены Молоховец издания 1901 года. Репринт, но все же.

— Серьезно? — пробормотала я, вытаскивая книгу. — У человека бункер с арсеналом, а на полке — рецепт кулебяки.

— Это мамина, — раздался голос за спиной.

Я подпрыгнула на месте, прижимая фолиант к груди, как щит. Мирон стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. Сегодня он был без водолазки — в простой белой футболке, которая предательски обтягивала грудные мышцы и открывала предплечья. Я впервые увидела его руки полностью: сильные, с выступающими венами, и тот самый шрам от ожога — теперь отчетливый, грубый, похожий на клеймо. Он поймал мой взгляд, но ничего не сказал.

— Вы всегда так подкрадываетесь? — выдохнула я, пытаюсь унять сердцебиение. — У меня чуть инфаркт не случился. А я еще диплом не дописала.

— Привыкай, Мелкая. Здесь всё моё, включая тишину, — он прошел внутрь, и воздух в комнате сразу стал плотнее. — Вижу, ты освоилась. Кофе пьешь?

— Какао буду варить. Сами же велели.

Он хмыкнул и сел в кресло у стола — то самое, начальственное, обитое темной кожей. Движения его были ленивыми, но в них чувствовалась скрытая пружина. Так отдыхает хищник после удачной охоты.

— Вари. А я пока посмотрю, как ты справляешься.

Я пожалала плечами, стараясь игнорировать его взгляд, который буквально прилип к моей спине, пока я возилась с маленькой плиткой, встроенной в нишу. Молоко в кастрюльке, какао, сахар, щепотка соли, палочка корицы. Движения были почти медитативными, и на какое-то время я даже забыла, где нахожусь. Пока не почувствовала тепло за спиной.

Он подошел неслышно, встал так близко, что я ощутила жар его тела, но между нами оставалась пара сантиметров — мучительных, наэлектризованных.

— Корицу зачем? — спросил он низко, почти в ухо.

— Аромат, — мой голос дрогнул. — И вкус. Она убирает горечь какао-бобов. В купеческой среде, кстати, корицу добавляли в сбитень и считали признаком достатка.

— Ты всегда такая зануда?

— Только когда нервничаю. А я сейчас нервничаю, потому что за моей спиной стоит мужчина, который вчера меня похитил, и от которого пахнет так, что у меня подкашиваются колени.

Он замер. Я замерла. В тишине слышно было только бульканье молока в кастрюльке.

А потом он рассмеялся. Тем самым низким, рокочущим смехом, от которого у меня позвоночнику побежали мурашки. Его ладонь легла на мое плечо, чуть сжала, и он развернул меня к себе лицом. Кастрюлька осталась за спиной, а я оказалась прижатой к столешнице, упираясь ладонями в холодный металл.

— Честность, — произнес он, глядя сверху вниз. — Это подкупает. Но это опасно. Ты понимаешь, что я могу сделать с тобой всё, что захочу?

— Понимаю, — я сглотнула, не отводя глаз от его губ. Они были четко очерчены, нижняя чуть полнее верхней, и я представила, как они могли бы ощущаться на моей шее. — Но Вы же спросили.

Его рука поднялась, и большой палец коснулся моего подбородка, заставляя поднять лицо выше. В его глазах цвета грозового неба плясали серебристые искры. Он изучал меня, как изучают редкий манускрипт — с интересом, смешанным с собственническим восторгом.

— Знаешь, почему я не убил тебя вчера, Ася Завьялова?

— Потому что я обещала рассказать про щипцы для сахара?

— Нет, — его голос стал ниже, интимнее. — Потому что когда с тебя сняли мешок, ты посмотрела на меня не как на монстра. Ты посмотрела как на мужчину. И у тебя расширились зрачки. Я это заметил.

Я перестала дышать. Он заметил. Заметил ту долю секунды, когда мой страх смешался с чем-то совершенно иным, животным, темным, о чем я даже себе боялась признаться.

— Это просто реакция на стресс, — прошептала я, но мой голос звучал неуверенно даже для меня самой.

— Врешь, — он наклонился ближе, и его дыхание коснулось моих губ. — Но мне нравится, как ты врешь. У тебя при этом дрожат ресницы. Очень... эстетично.

Где-то на плите убежало молоко, зашипев на горячей конфорке. Я дернулась, но он не отпустил, лишь лениво протянул свободную руку и выключил плиту, не глядя.

— Какао сбежало, — пискнула я.

— Плевать, — его губы изогнулись в улыбке, которая не обещала ничего хорошего. — Сваришь еще. У тебя будет много времени, Мелкая.

Он отступил так же внезапно, как и приблизился, и я чуть не упала, лишившись опоры. Схватила за край столешницы, пытаясь восстановить дыхание.

— Приведи себя в порядок, — бросил он уже от двери. — Через час принесут нормальную одежду. И да, ноутбук твой зарядили. Приступай к работе. Я хочу услышать про сахарные головы за ужином.

— За ужином? — переспросила я.

— Ты будешь ужинать со мной. Каждый вечер. Это не просьба.

Дверь захлопнулась.

Я осталась стоять, прижимая ладонь к груди, где сердце билось как сумасшедшее, и глупо улыбалась. Он сказал «эстетично». Про мои дрожащие ресницы. Чудовище с эстетическим вкусом.

Час спустя в бункер занесли вещи. И это были не просто «нормальная одежда». На кровать легли кашемировые свитера цвета топленого молока, оливкового и бургунди, мягкие домашние брюки, пара платьев и шелковый халат глубокого изумрудного оттенка и — я чуть не подавилась воздухом — несколько комплектов белья из кружева, которое, судя по бирке, стоило больше моей годовой стипендии.

— Он издевается, — констатировала я, разглядывая крошечные трусики.

Но надела. И свитер, который пах чем-то неуловимо знакомым — его запахом. Сандал и табак. От этой мысли низ живота свело теплой волной.

Я села за стол, открыла ноутбук и попыталась работать. Экран ожил, показывая мой черновик. «Глава 2. Импорт колониальных товаров и их роль в формировании купеческого стола...» Слова расплывались перед глазами. Я все еще чувствовала его палец на своем подбородке.

— Соберись, Ася, — приказала я себе. — Ты не какая-нибудь девица из романа. Ты историк. Ты изучаешь факты, а не фантазии.

Факт номер один: меня похитили. Факт номер два: похититель — самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела. Факт номер три: он запер меня в бункере и заставляет ужинать с ним. Факт номер четыре: я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Последний факт пугал больше всего.

Ужин состоялся в смежной комнате, которую я раньше не видела. Это оказалась небольшая, но роскошно обставленная столовая с круглым столом красного дерева и двумя стульями. На столе горели свечи — настоящие восковые, в тяжелых серебряных подсвечниках. И пахло не тюремной баландой, а жареным мясом и травами.

Мирон уже сидел во главе стола, лениво вращая в пальцах бокал с темным вином. При моем появлении он поднял глаза, и его взгляд медленно прошелся по моей фигуре — от макушки, где волосы были кое-как собраны в пучок, до босых ступней на мягком ковре.

— Тебе идет зеленый, — заметил он.

— Спасибо, что не пришлось ходить в мешке из-под картошки, — я села напротив, стараясь держать спину прямо. — Хотя белые вы выбрали... провокационное.

— Я его не выбирал. Сказал помощнику: «Привези что-нибудь для девушки, размер XS, чтобы выглядела как женщина, а не как беженка». Видимо, у него свои представления о прекрасном.

Я хмыкнула, накладывая себе салат.

— Рассказывай про сахарные головы, — потребовал он, откидываясь на спинку стула и делая глоток вина.

И я рассказала. Сначала неуверенно, поглядывая на его реакцию, потом — увлекаясь. Про то, что сахар в XIX веке продавался не песком, а большими конусообразными головами, которые нужно было колоть специальными щипцами. Про то, что наличие сахарной головы на столе говорило о богатстве хозяина. Про то, как купчихи соревновались, у кого чай слаще и варенье гуще.

Он слушал. Не перебивал, не смотрел в телефон. Его стальные глаза не отрывались от моего лица, и в них читался неподдельный интерес. В какой-то момент я поймала себя на том, что улыбаюсь, и что мои жесты стали свободнее, а голос — живее.

— А ты, оказывается, увлеченная, — произнес он, когда я замолчала, переводя дух. — Глаза горят. Красиво.

— Это моя тема, — я пожала плечами, чувствуя, как щеки заливают румянец. — Я ее люблю.

— А меня ты уже не боишься?

Вопрос был задан тихо, почти интимно.

— Боюсь, — честно ответила я. — Но меньше, чем вчера.

— Почему?

— Потому что Вы слушаете про сахарные головы так, будто это действительно важно. Монстры так не делают.

Он отставил бокал и подался вперед, кладя локти на стол. Свечи бросали тени на его лицо, делая скулы острее, а глаза — темнее.

— Я монстр, Ася. Не обольщайся. То, что я не убил тебя, не делает меня хорошим. Это делает меня... заинтересованным.

— В чем? В купеческом чаепитии?

— В тебе, — он произнес это просто, как констатируют погоду. — Ты пахнешь не духами, а мылом. Ты болтаешь без умолку, когда нервничаешь. Ты смотришь на меня так, будто хочешь, чтобы я тебя поцеловал, и одновременно — чтобы исчез. Это... интригует.

Я сглотнула. Воздух между нами сгустился, наполнился электричеством.

— А если я скажу, что хочу, чтобы Вы меня поцеловали? — мой голос прозвучал хрипло, почти вызывающе.

Он медленно встал, обошел стол и остановился за моей спиной. Его руки легли на спинку моего стула, пальцы почти касались моих плеч. Я чувствовала тепло его тела, его дыхание у своей макушки.

— Тогда я скажу, что ты играешь с огнем, Мелкая, — прошептал он, и от его голоса волоски на моей шее встали дыбом. — И что я не целую просто так. Если я тебя поцелую, ты больше не сможешь делать вид, что это просто «реакция на стресс».

— А что же это будет?

— Это будет начало, — его губы коснулись моего уха, едва осязимо, и я вздрогнула всем телом. — Начало того, от чего ты не сможешь убежать. Даже когда я открою дверь.

Он выпрямился и отошел к двери, оставляя меня дрожащую, с пылающими щеками и бешено колотящимся сердцем.

— Завтра продолжим лекцию, — бросил он через плечо. — И надень то белье. Я хочу знать, что оно на тебе, даже если не вижу.

Дверь закрылась.

Я уронила голову на руки и застонала. Господи, этот мужчина меня погубит. И я, кажется, сама этого хочу.

Где-то в углу тихо жужжал вентилятор, а на столе остывал недопитый чай. Я подняла глаза и посмотрела на стеллаж с книгами. «Подарок молодым хозяйкам» стоял на полке, и я вдруг подумала: интересно, его мама была похожа на меня? Или наоборот — на тех роковых красоток, которых обычно похищают?

Вопросы, на которые у меня пока не было ответов. Но одно я знала точно: завтра я надену черное кружево. И посмотрю, как дрогнут его стальные глаза, когда он об этом узнает.

Потому что если я пленница, то хотя бы пленница с чувством собственного достоинства. И с отличным бельем.

Глава 3. Визуальные доказательства и пытки шоколадом

Я надела черное кружево.

Не потому, что он велел. И не потому, что хотела ему угодить. Просто когда я проснулась в пятый день своего заточения и увидела этот комплект на стуле: вызывающий, дерзкий, совершенно мне не свойственный, я поняла, что хочу его надеть. Для себя. Чтобы почувствовать себя не серой мышью в бабушкином халате, а женщиной, у которой есть секреты.

Белье сидело идеально. Тонкое кружево обхватывало грудь, подчеркивая форму, а трусики — я покраснела, разглядывая себя в маленькое зеркало над раковиной, — были откровенно крошечными. Поверх я натянула кашемировый свитер и мягкие брюки. Невинный верх, порочный низ. Идеальная метафора моей нынешней жизни.

Мирон появился, как всегда, без предупреждения. Я сидела за столом, уткнувшись в ноутбук, когда дверь распахнулась, и он вошел с двумя бумажными стаканчиками в руках.

— Кофе, — объявил он, ставя один передо мной. — Настоящий, не из автомата. И круассан с миндалем. Ешь.

Я подняла глаза, и мои брови поползли вверх.

— Вы принесли мне завтрак? Лично? Ваши амбалы объявили забастовку?

— У них выходной, — он уселся в свое кресло, закинув ногу на ногу. Сегодня на нем была темно-серая рубашка с закатанными рукавами, открывающая жилистые предплечья и шрам. — И перестань называть их амбалами. У них есть имена.

— Я их не знаю.

— И не узнаешь, — его губы дрогнули в улыбке. — Ешь давай. У тебя вид, будто ты неделю не спала.

— Я в бункере. Тут сложно спать, когда над головой бетонная плита, а за стеной кто-то периодически ходит и говорит про «партию товара».

Он нахмурился.

— Кто-то шумел?

— Нет, но я слышала шаги. И голоса. И, кажется, кто-то матерился в три часа ночи. Очень витиевато, кстати. С использованием морской терминологии и упоминанием чьей-то матери.

Мирон вздохнул и потер переносицу.

— Это Гриша. Он всегда так, когда нервничает. Я поговорю с ним.

— Не надо, — я откусила круассан и чуть не проглотила сразу весь от удовольствия. Маслянистый, слоеный, с хрустящей корочкой. — Пусть матерится. Мне полезно изучать современный фольклор.

Он фыркнул. Почти рассмеялся. Я заметила, что за эти дни он стал чаще улыбаться. Ну, как улыбаться — уголки его губ приподнимались на миллиметр, но для человека с ледяным лицом это был прогресс.

— Как продвигается диплом? — спросил он, отпивая кофе.

— Ужасно, — я развернула ноутбук экраном к нему. — Я застряла на разделе про визуальные источники. Мне нужны изображения купеческих сервизов, образцы посуды, фотографии столов. А я сижу в бетонном мешке без доступа к нормальным архивам. Интернет у вас, конечно, есть, но качество сканов в электронных базах отвратительное.

Он посмотрел на экран, потом на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на азарт.

— Визуальные источники, значит, — он отставил кофе и встал. — Пошли.

— Куда?

— Покажу кое-что.

Я поднялась, недоумеваю, и пошла за ним. Он вывел меня из бункера через тяжелую дверь, и мы оказались в длинном коридоре, обшитом деревом. Поднялись по лестнице, прошли через холл с камином, и он распахнул дверь в просторную комнату, залитую солнечным светом.

У меня перехватило дыхание.

Это была библиотека. Настоящая, с высокими стеллажами красного дерева, уходящими под потолок, с лестницей на колесиках и огромным окном в пол, за которым виднелся заснеженный сад. Но главное — в центре комнаты стоял массивный стол, а на нем... сервиз.

Белый фарфор с золотой каймой, чайник с изогнутым носиком, сахарница в виде раковины, молочник и дюжина чашек с блюдцами. Рядом — серебряные щипцы для сахара, ложечки с вензелями и даже маленькая хрустальная розетка для варенья.

— Откуда это? — прошептала я, приближаясь как замороженная.

— Мать собирала, — его голос за спиной звучал глухо. — Любила антиквариат. Особенно кузнецовский фарфор. Говорила, что в нем душа есть.

Я обернулась. Мирон стоял у окна, сложив руки на груди, и смотрел не на сервиз, а на меня.

— Вы поэтому книгу Молоховец храните? — тихо спросила я.

— Да. Она любила готовить по старинным рецептам. Кулебяку пекла раз в месяц, весь дом пах тестом и рыбой. Я ненавижу этот запах в детстве. А сейчас... у меня так не выходит готовить.

В его голосе не было пафоса. Только сухая констатация факта, от которой у меня защемило сердце. Я отвернулась к сервизу, чтобы скрыть дрожь в пальцах, и осторожно взяла в руки чашку. Тончайший фарфор, почти прозрачный на свету. На доннышке — клеймо: «Товарищество М.С. Кузнецова».

— Это же музейный экспонат, — выдохнула я. — Ему больше ста лет.

— Пользуйся, — сказал он просто. — Если тебе нужны визуальные источники — вот они. Живые. Трогай, фотографируй, изучай.

Я повернулась к нему, и, наверное, в моих глазах было что-то такое, потому что он вдруг шагнул ближе и добавил тише:

— Только не разбей. Это единственное, что у меня осталось от нее.

— Не разобью, — пообещала я хрипло. — Я с ними как с младенцами.

Он кивнул и отошел к стеллажам, делая вид, что рассматривает корешки книг. А я смотрела на его прямую спину, на то, как напряжены плечи под ткань рубашки, и понимала: он только что впустил меня не просто в библиотеку. Он впустил меня в свою память. В самое уязвимое место.

Это пугало. И опьяняло одновременно.

Следующие три часа я провела в библиотеке, забыв обо всем на свете. Фотографировала сервиз с разных ракурсов, зарисовывала вензеля на ложечках, делала пометки. Мирон сидел в кресле у окна с какой-то папкой, но я чувствовала, что он наблюдает за мной.

В какой-то момент я потянулась за чашкой, стоявшей на краю стола, и свитер задрался, открывая полоску обнаженной спины и край черного кружева.

— Это оно? — раздался его голос.

Я замерла.

— Что «оно»?

— Белье. Которое я велел надеть.

— Вы не велели. Вы выразили пожелание. Я его учла.

Он отложил папку и медленно, очень медленно поднялся. Пересек комнату в несколько шагов и остановился за моей спиной, как тогда, у плиты. Его пальцы коснулись края свитера, чуть приподнимая ткань.

— Можно? — спросил он.

От этого простого вопроса у меня перехватило дыхание. Он спрашивал. Чудовище, которое могло взять всё без спроса, спрашивало разрешения.

— Можно, — прошептала я.

Ткань поползла вверх, обнажая поясницу, и я услышала, как он выдохнул сквозь зубы. Его пальцы прошлись по краю кружева, едва касаясь, и моя кожа покрылась мурашками.

— Красиво, — его голос стал ниже. — Очень красиво. Но знаешь что?

— Что? — я не узнала собственный голос.

— Я хочу увидеть остальное. Не сейчас, — добавил он, прежде чем я успела запаниковать. — Когда ты будешь готова. Когда ты сама захочешь мне показать.

Он опустил свитер, поправил ткань и отошел. Я стояла, вцепившись в край стола, и пыталась восстановить дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.